

В поиске пределов свободы самовыражения

Борис Мантелев

«Журналистика
коммерсантовская родилась даже
не из ноля, а из глубокого минуса.
Вся совковая журналистика, была
ли она левая, правая,
консервативная, прогрессивная,
была настолько отстойная, что я
бы вообще не называл её
журналистикой». Такое заявление
сделал в связи с празднованием
100-летнего юбилея своего издания
шеф-редактор ИД «Коммерсантъ»
Андрей Васильев. Фраза эта,
редкая по своей откровенности,
потрясла меня своей
безапелляционностью и заставила
вновь задуматься о пределах
самовыражения в различных
сферах жизни

Многие годы, общаясь с журналистами в Москве, регионах России и бывших советских республик, удивляюсь той настойчивости, с которой молодые и не очень работники СМИ радостно причисляют себя к особой касте людей, «формирующих общественное мнение», искренне гордятся самоназванием «четвёртая власть» и убеждённо отстаивают в качестве своих главных достоинств «правдивость», «позитивность», «сбалансированность подачи информации». Времена проходят, а количество таких псевдопрофессионалов непонятно какого ремесла не уменьшается. Наоборот, теперь этому странному «коктейлю» специально учат в вузах на факультетах, где журналистика даже в названии курсов тесно переплетается с принципиально иной дисципли-

линой «связи с общественностью», или так называемой новомодной PR .

Нельзя обвинять молодых и неопытных людей в том, что они повторяют давно отвергнутые теорией и самой жизнью идеологемы. Но этих молодых, начинающих специалистов можно и нужно упрекнуть в том, что они ленивы и нелюбопытны, не интересуются фундаментальными основами собственной профессии, не изучают историю вопроса и богатый опыт своих предшественников в нашей стране и за рубежом.

Между тем вопрос о возникновении и развитии средств массовой информации в России представляет несомненный практический интерес. Особенно полезно анализировать развитие прессы в мире применяя методы системного толкования и сопоставления фактов.

Известно, что одним из многочисленных нововведений российского царя-реформатора стало именно издание первой русской печатной газеты. 16 декабря 1702 года Петр I подписал указ, вместивший всего две, но весомые фразы: «Великий государь указал: по ведомостям о военных и всяких делах, которые надлежат для объявления Московского

и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов – ведомости, в которых приказах, о чём ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ без мотчания (не мешкая, без промедления), а из Монастырского приказа те ведомости отсылать на Печатный двор. И о том во все приказы послать из Монастырского приказа памяти».

Из указа ясно следует, что сбор и обработка исходных материалов для газеты возлагается на органы центрального управления России – приказы, то есть на самих чиновников. Собираемая информация была необходима в первую очередь самому царю для принятия государственных решений. Цена каждого печатного слова была очень высока.

Ни о каких журналистах, независимых от властей профессионалах, вопроса не возникало тогда, а у многих и до сих пор не возникает. Отечественные государевы СМИ были созданы на казённые деньги для описания интересных для властей событий в приятных для этих чиновников манерах.

Симптоматично, что в указе говорится о печатании неких «курантов», а не собственно газеты. Объяснение простое: слово «газета» появилось в русском языке много позже. А вот в Италии, например, газета была известна задолго до петровских времён. И понимали под этим названием не только мелкую монету, но и небольшое оперативное рекламное объявление, которое заезжие и местные купцы самостоятельно печатали и без всякого согласования с властями продавали за ту самую монетку или вывешивали в людных местах для активизации продаж своего товара. Понятно, что стиль и содержание таких публикаций не финансировались и не согласовывались с градоначальником, были изначально неподцензурны.

Вот из столь разных корней произрастали основы свободной прессы и государственной пропаганды. Многие черты далёких предшественников можно обнаружить и в современных СМИ, способах работы журналистской братии в нашей стране и за границей.

Отечественные журналисты в подлинном понимании специфики этой профессии появились лишь после реформ 1861 года. Вместе с развитием местного самоуправления, земств появилась и настоящая независимая пресса, ежедневно читать которую считалось обязательным всякому интеллигентному человеку. Традиции свободы российской прессы были ликвидированы, как известно, одним из первых декретов советской власти. Причём сделано это было с иезуитской формулировкой; все буржуазные газеты закрывались «впредь до полной победы рабоче-крестьянской власти...». Вместо неуправляемого плюрализма мнений были созданы единообразные «подручные партии», коллективные пропагандисты и организаторы всех наших побед. После запрета КПСС с лёгкой руки министра печати Михаила Полторанина журналистов нарекли «четвёртой властью». Почти все пребывают в восторге от этой удачной формулировки

до сих пор. Всё труднее, правда, бывает ответить на самый простой вопрос: над кем самостоятельно властвуют сегодня журналисты и кто реально властвует над ними?

За несколько лет личных наблюдений нравов современных СМИ профессиональный журналист Павел Шеремет выделил четыре основных мотива, по которым люди сегодня приходят в журналистику вообще и на телевидение в частности. Перечислить их можно по мере нарастания важности.

Первый мотив – обыденность. Наверное, прагматизм – это самая распространённая причина выбора профессии. Родители считают, что работа в газете или на телевидении – идеальное для их детей место работы. Учителям в школе платят копейки, в медицинский институт не пройти – высоченный конкурс, заниматься бизнесом в России небезопасно. Единственный выход – податься в журналисты: неплохой доход, интересная работа, до недавнего времени уважаемая профессия.

Второй мотив – это тщеславие. Есть уверенность, что телевидение – самый короткий путь к славе, пропуск в мир избранных. Рассказывая о знаменитостях, вы сами чуть-чуть становитесь знаменитым, на вас падает отблеск их славы.

Третий мотив – любознательность. Валерий Панюшкин, обозреватель газет «Коммерсантъ» и «Ведомости», на вопрос, почему он пришёл в журналистику, ответил: «Я просто люблю рассказывать истории». Это точное попадание в цель. Любопытство – это сильный мотив и основа для успешной работы.

Однако только любопытства недостаточно. **Следует добавить миссионерство как четвёртый и высший мотив.** Вы понимаете и чётко знаете, чем ваше дело, ваша профессия отличается от других занятий. Вы можете сформулировать, в чём состоит идея фикс, и следовать этой идее, несмотря на трудности, соблазны свернуть с выбранного пути и эмоциональную уста-

лость. Все люди, которые стоят на вершине в телевидении, ощущают себя миссионерами и понимают, в чём заключена их сверхзадача.

Таким образом, все профессионалы СМИ рано или поздно приходят к осуждению своей миссии, сверхзадачи существования в данном ремесле. **Классическое определение независимых СМИ звучит очень резко, но точно по сути. Настоящие журналисты должны быть «сторожевыми псами» общества. Именно поэтому во всех этических кодексах однозначно закреплено, что Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности.**

Многим это ограничение профессионального статуса кажется неудобным и устаревшим. Предпринимаются попытки «опустить» этот пункт или переписать кодексы этики заново. Но истина в том, что именно в этом заключается основа профессии журналиста. Персональная смелость, честность и ответственность – необходимые качества любого журналиста. Но именно общественное значение данной профессии, её статус часто делают нас смелыми и ответственными.

Главным принципом всех независимых СМИ является категорическое требование безусловного сохранения профессиональной тайны в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить журналиста к открытию этого источника ибо, предавши однажды, кто ж тебе поверит? Право на анонимность может быть нарушено лишь в исключительных случаях, когда имеется подозрение, что источник сознательно исказил истину, а также когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяж-

кого и неминуемого ущерба для людей.

Другое фундаментальное правило, которое крайне тяжело усваивается нашими журналистами, звучит также очень просто: мы никогда не едим там, где работаем!

Есть ещё несколько аспектов, определяющих, по мнению экспертов, особое значение журналистики.

Политический аспект. Свобода слова – обязательное условие успешного и устойчивого общества. Журналисты – это элемент общественного контроля над властью, поэтому истинные профессионалы считают, что не только свободная, а даже «отвязанная» пресса – спасение для России. В нашей огромной, коррумпированной и страшно бюрократизированной стране только свободная пресса может дать более-менее реальную картину дел в государстве. Чиновная машина всегда будет давать искажённую картину, лакировать действительность, скрывая истинные масштабы всякой аварии или даже катастрофы.

Общественный аспект. СМИ – это пространство для альтернативных политических и общественных идей. Оппозиционных партий нет в парламенте, и нет уверенности, что все проекты правящей партии правильные. Подвергнуть их экспертизе и провести общественную дискуссию можно только на страницах и площадках медиа.

Из этого вытекает ещё одна составляющая миссия – *коммуникативная*. Журналисты помогают разным политическим, культурным, профессиональным группам вступать в контакт друг с другом непосредственно в пространстве ток-шоу или опосредованно через статьи, репортажи и фильмы. Журналисты таким образом мобилизуют людей на общее дело и являются посредниками при выработке общественного договора по тем или иным вопросам.

Честное имя – капитал и ресурс журналиста. Нельзя связывать себя тесными узами с какими-либо религиозными, политическими или ины-

ми группами, потому что это ограничит ваше профессиональное пространство.

Человеческое общение – питательная среда журналиста. Необходимо любить людей и всегда проявлять интерес к тому, что вам рассказывают. Если люди будут чувствовать, что вам их история неинтересна, они никогда не раскроются перед вами.

Будьте подозрительны и всегда сомневайтесь. «Журналистика начинается там, где кто-то что-то пытается скрыть» – это меткое изречение известного английского лорда. Всё подвергайте сомнению, потому что это приближает к истинной подоплёке события.

Становитесь экспертом по тому вопросу, о котором вам предстоит рассказать. У вас должна быть собственная позиция по поводу того, что происходит, но вы должны ещё понимать суть происходящего.

Объективность – важная составляющая работы. Не всегда удается добиться стопроцентной объективности, но всегда к этому следует стремиться. Можно добиться популярности, наоборот, демонстрируя свою пристрастность и предвзятость, но эта популярность будет узкой и недолговечной. Популярность и уважение – разные вещи, об этом надо помнить всегда.

Избегайте профессионального выскомерия. Необходимо быть внятным и понятным в своих статьях и репортажах. Понимание – это не проблема зрителя, это забота журналиста. Даже самые сложные вопросы можно изложить доступно и ясно.

По мнению многих авторитетов, сегодня, в век информационных технологий, указанные принципы работы характерны уже не только для сотрудников СМИ, но и для писателей, всех творческих людей, активно существующих и действующих в медиапространстве.

Так, всемирно известный Салман Рушди, единственный из писателей, удостоенный Букера Букеров, причём не единожды, писателем себя совсем не считает. Ему приятней называться рас-

сказчиком. Говоря о своих жизненных ценностях, он подчёркивает: **«Свобода есть несогласие. Демократия есть дискуссия. В открытом обществе человек должен принять, что другие могут думать иначе, чем он. В противном случае – всё утонет в крови».**

Нам пока ещё трудно принять эти постулаты, поскольку мы выросли в период активной государственной пропаганды, тотальной цензуры. Многочисленные опросы общественного мнения показывают, что российское общество сегодня больно несвободой и жаждет решать все вопросы в основном силовыми методами. Более 95 процентов опрошенных требуют возобновления смертной казни, более 75 процентов испытывают активную неприязнь к мигрантам, более 60 процентов требуют незамедлительно узаконить цензуру в СМИ. Все эти признаки характеризуют печальные синдромы деградации гражданского общества. Лечить их можно лишь образованием и воспитанием нового поколения, свободного от предрассудков прошлого.

Надёжными маяками в разъяснительной, просветительной работе являются нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую наша страна добровольно ратифицировала и обязалась выполнять более 10 лет назад.

Статья 10 ЕКПЧ гарантирует каждому право свободно выражать своё мнение, а также получать и распространять информацию и идеи, которое, однако, не является безусловным; часть 2 статьи 10 гласит: *«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны*

здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Как видно из текста этой статьи, **Конвенция прямо говорит о пределах самовыражения, но требует, чтобы вводимые ограничения были «необходимыми в демократическом обществе».** Толкование именно этой части вызывает трудности на практике и приводит к жалобам граждан различных стран – членов Совета Европы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), поскольку наличие в национальном законодательстве норм, ограничивающих свободу выражения мнения в целях, поименованных в Конвенции, воспринимается судами ряда стран как само по себе достаточное свидетельство необходимости этих ограничений.

Вместе с тем, в соответствии с четко выработанной практикой ЕСПЧ, эту необходимость следует доказывать применительно к каждому конкретному случаю. Само по себе наличие в ГК РФ или УК РФ тех или иных норм не говорит о их «необходимости в демократическом обществе», оно говорит лишь о том, что вмешательство «основано на законе»; но это лишь первая часть анализа любого дела, связанного с вмешательством в свободу слова и прессы. Далее следует самое трудное: определить необходимость вмешательства: *«Критерий «необходимости в демократическом обществе» требует от суда установления того, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, уместными и достаточными»* (Гринберг против России, судебное решение от 21 июля 2005 года).

Этот подход был выработан ранее и применяется во всех решениях по

статье 10 Конвенции (например, решение ЕСПЧ «Джерусалем против Австрии» от 27 февраля 2001 года):

«Тест на «необходимость в демократическом обществе» требует, чтобы суд определил, действительно ли «вмешательство» было вызвано «острой общественной потребностью», соответствовало ли это преследуемой законной цели и были ли причины, указанные органами федеральной власти в его оправдание, уместными и достаточными (см. решение по делу «Санди Таймс» против Соединенного Королевства»)» №1 («The Sunday Times v. The United Kingdom») от 26 апреля 1979 года».

Проиллюстрируем, как производится такая оценка правомерности выхода за пределы допустимого, на примере дела **«Красуля против России»:** *«Анализируя конкретные обстоятельства дела, суд будет принимать во внимание следующие элементы: позицию человека, против которого была направлена критика, предметное содержание публикации, характеристику, данную спорным высказываниям национальными судами, словесное выражение высказываний заявителя, а также наказание, которое было к нему применено».*

Необходимо обратить внимание на то, что сам по себе ни один из этих пунктов не предрешает решения, все эти пункты необходимо анализировать в совокупности и определять, на чьей стороне – истца или ответчика (обвинения или защиты) находится перевес.

При анализе **статуса ответчика** (того, кто распространял информацию) следует учитывать, что журналист, редакция, СМИ пользуются большей защитой, чем отдельные физические или юридические лица, поскольку в задачу СМИ входит информирование населения, распространение знаний, поддержание общественной дискуссии по вопросам, представляющим значимость для развития демократии и обеспечения эффективного управления государством.

В отношении должности и статуса того, о ком информация была распространена, следует иметь в виду, что: *«Пределы допустимой критики в отношении политиков, как таковых, шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию. Политические деятели должны выказывать большую степень терпимости, особенно если они сами делают публичные заявления, которые способны вызвать критику. Однако, выходя на арену общественных дискуссий, частные лица и ассоциации также представляют себя на всеобщее обозрение. В деле «Нильсен и Джонсен против Норвегии» суд счёл, что правительственный эксперт г-н Братолм, вовлечённый в спор с г-ном Нильсеном и г-ном Джонсеном, с учётом своей должности, не мог бы приравняться к политическому деятелю, который должен выказывать большую степень терпимости. Тем не менее суд счёл участие г-на Братолма в общественных дискуссиях достаточным фактором для признания его таковым (№ 23118/93, п. 52, ECHR 1999-VIII)».*

В деле «Красуля против России» главный редактор газеты «Новый гражданский мир» был привлечён к ответственности по ст. 129, ч. 3 УК РФ (за клевету, связанную с обвинением в совершении особо тяжкого преступления) за публикацию статьи о губернаторе Ставропольского края под названием «Черногоров подбирается к Ставрополю. Размышления по поводу одного решения городской думы», в которой он назвал губернатора «шумным и амбициозным, но полностью неспособным» управлять регионом и в которой привёл свои размышления о том, почему вдруг городская дума проголосовала за назначение мэра города (вместо ранее существовавшей процедуры его выборов) после посещения данного заседания губернатором и лицами из его ок-

ругения. ЕСПЧ отметил, что в данном деле публикация касалась профессионального политика, в отношении которого пределы приемлемой критики шире, чем в случае с частным лицом. «Выступив кандидатом на выборах губернатора, мистер Черногоров взошёл на политическую сцену и, неизбежно и сознательно, сделал каждое своё слово и деяние открытым для пристального изучения со стороны журналистов и публики в целом. Следовательно, он должен был проявить большую степень толерантности» (судебное решение от 22 февраля 2007 г.).

Суд исходит из того, что политики, общественные деятели, депутаты Законодательного собрания, выборные лица имеют возможность доказать свою правоту и отстоять свою точку зрения в СМИ, публичных дискуссиях, лекциях и т.п., то есть для них моральный вред может быть компенсирован не только деньгами. В большинстве случаев ЕСПЧ считает, что для защиты их чести и достоинства в случае публикации недостоверных фактов, вызванной добросовестным заблуждением журналиста, достаточно потребовать опубликования опровержения.

Меньше свободы у СМИ и частных лиц в отношении критики стражей порядка, выполняющих свои функции:

«31. Суд, рассматривая факты этого дела, должен был выяснить, соответствовало ли, в данных обстоятельствах, ограничение права господин Яновского на свободу выражения взглядов «насущной общественной необходимости», отвечало ли оно определённой законной цели, и были ли у национальных органов власти основания, оправдывающие это вмешательство, «уместными и достаточными».

32. В связи с этим суд отметил, что заявитель был признан виновным в нанесении оскорбления муниципальным стражам порядка, которых во время инцидента на площади он назвал «чокнутыми» и «глупцами». Свидетелями этого инцидента были случайные наблюдатели, и возник он в

связи с действиями муниципальных стражей порядка, которые требовали, чтобы уличные торговцы перешли с площади на другую улицу (...). Следовательно, замечания, высказанные заявителем, не были частью открытой дискуссии о предметах гражданского интереса; не касались они и проблемы свободы прессы, так как заявитель, хотя и журналист по профессии, в данном случае действовал как сугубо частное лицо. Суд также указал, что основанием для признания заявителя виновным, были два слова, которые и суд первой инстанции, и апелляционный суд признали оскорбительными, а не тот факт, что он высказал критику в адрес стражей порядка или указал на тот факт, что их действия были незаконными (...).

Исходя из этих обстоятельств Суд признаёт неубедительными утверждения заявителя о том, что широкие круги общественности рассматривали его осуждение как попытку органов власти возобновить цензуру и отбить всякое желание высказывать критику в будущем» (Яновский против Польши, судебное решение от 21 января 1999 года).

Критика суда и судей ещё менее допустима, поскольку она может отрицательно повлиять на авторитет судебной власти и беспристрастность правосудия. Именно поэтому ЕСПЧ очень пристально анализирует все нюансы дел, которые так или иначе связаны с судебной властью.

В отношении же правительства пределы критики даже шире, чем в отношении политиков, поскольку эффективность государственного управления представляет непосредственный интерес для народа.

При анализе содержания материала ЕСПЧ учитывает его тему, интерес для общества, значимость для развития демократии и т.п. Содержание материала может служить распространению идей и знаний, привлекать внимание к политическим и общественным проблемам, оценивать эффективность

государственного управления, обсуждать расходование бюджетных средств и т.д. Однако под защитой Конвенции не находятся нападки на конкретную личность, которые не имеют никакой информационной ценности и преследуют исключительно цель доставить ей неприятности, опорочить, очернить, оскорбить.

Наконец, следует напомнить, что в демократическом обществе люди имеют право комментировать и критиковать отправление правосудия и официальных лиц, в него вовлеченных. Признаётся, что пределы допустимой критики в отношении гражданских служащих, исполняющих свои обязанности, могут в некоторых случаях быть шире, чем в отношении частных лиц. Однако нельзя сказать, что гражданские служащие сознательно поставили под пристальное внимание каждое своё слово и деяние в той же степени, что и политики, и что они должны, соответственно, рассматриваться наравне с ними, когда идёт речь о критике их действий. Более того, гражданские служащие должны пользоваться доверием общества в условиях, свободных от произвольных перестановок, если от них требуется успешное выполнение ими своих функций, и, следовательно, может стать необходимой их защита от одиозных, оскорбительных или диффамационных атак в период исполнения ими своих обязанностей. Прокуроры являются гражданскими служащими, в задачу которых входит содействие надлежащему отправлению правосудия. В этом отношении они составляют часть механизма судебной системы в широком смысле этого термина. Все заинтересованы в том, чтобы они, как и работники судов, пользовались доверием общества. Следовательно, у государства может быть необходимость защитить их от необоснованных обвинений.

Важно отметить, что международные стандарты дают чёткое представление о пределах допустимого в общественных дискуссиях, о праве на неправильное. Право на непра-

вильное довольно широко, но не безгранично. Всякий человек, а не только журналист обязан знать, что не находятся под охраной Конвенции высказывания, мнения и идеи, отрицающие Холокост, оправдывающие нацизм и неонацизм, содержащие утверждения о якобы имевшем место преследовании евреями поляков, огульные обвинения всех мусульман в терроризме, а также содержащие призывы к насилию.

Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что «... какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусмотрено в Конвенции».

При анализе словесного выражения высказывания следует проводить различие между фактом, с одной стороны, и оценкой, мнением, гиперболой, с другой стороны. Факт – это то, что может быть доказано либо опровергнуто. Мнение и суждение ни доказать, ни опровергнуть невозможно. В то же время в российских судах журналистов просили доказать соответствие действительности таких «фактов», как «ни стыда, ни совести», «безобразия усилились», «по-моему, губернатор, который даёт такой совет, ненормальный».

Следует также иметь в виду, что мнения и суждения могут быть выражены не только в корректной и доброжелательной, но и в шокирующей, непристойной, отталкивающей форме. Однако они не должны носить характера брани, оскорбления, унижения, которые не несут никакой информационной ценности и служат лишь желанию причинить боль, страдания, унижение или каким-то иным образом беспричинно и незаслуженно задеть человека.

Хотя стандарт подтверждения фактической основы высказанного мнения в делах о диффамации ниже, чем стан-

дарт доказывания виновности в уголовном процессе и в делах о диффамации должны быть хотя бы какие-то материалы, позволяющие суду сделать вывод о том, что журналист дал добросовестный комментарий и имел хотя бы слабую фактическую основу для своих выводов.

Таким образом, международные стандарты подтверждают право журналиста на ошибку и/или добросовестное заблуждение относительно некоторых частных при обоснованности сути высказываемой критики. Это очень важное положение нередко игнорируется российскими чиновниками, которые «выискивают блох» в неудобных для них текстах и обвиняют СМИ в неточностях, которые являются заведомо второстепенными.

ЕСПЧ обязательно учитывает то, было ли проведено различие между фактом и оценкой национальными судами. Европейский суд привлекает внимание к тому, что в решениях российских судов этот момент, даже если и упоминается, не анализируется с надлежащей тщательностью. Мотивировка судебных решений по жалобам, поступившим в ЕСПЧ, как правило, не содержит рассуждений о том, почему то или иное высказывание было расценено как изложение факта, а не мнения.

И, наконец, ЕСПЧ учитывает применённую санкцию – было ли это уголовное наказание, штраф, требование опровержения и т.д. При этом само по себе наличие уголовной ответственности за злоупотребления, связанные со свободой слова, не является нарушением статьи 10. Например, введение уголовной ответственности признано вполне адекватным по делам, связанным с разжиганием вражды и розни, призывами к насилию, пропагандой идей нацизма и антисемитизма. Однако непропорциональной будет признана уголовная ответственность за клевету в адрес государственного лица или политического деятеля, если недостоверная порочащая информация

являлась добросовестным заблуждением или результатом ошибки, а не умысла или небрежности. Непропорциональным будет признано уголовное наказание в виде лишения свободы за критические высказывания, а также назначение штрафов или компенсации морального вреда в размере, приводящем к банкротству СМИ. В каждом конкретном случае будет учитываться также материальное положение истца и ответчика.

Ограничение права на свободу слова возможно лишь ради одной из целей, перечисленных в части 2 статьи 10 Конвенции, а именно в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

В решении национального суда обязательно должна содержаться аргументация, почему суд в данном конкретном деле отдаёт приоритет защите чести и достоинства или иному охраняемому Конвенцией законному интересу, а не свободе выражения мнения.

Отказ национального суда рассмотреть представленные сторонами экспертизы документы либо выслушать свидетелей воспринимается Европейским судом как нарушение статьи 6 Конвенции – право на доступ к правосудию, поэтому в судебном решении должен быть анализ экспертных заключений, если стороны ходатайствовали о их приобщении к делу.

Практика показывает, что пределы самовыражения изменчивы и всякий раз истину нужно искать в ходе состязательного судебного процесса. Два российских журналиста, оштрафованные за критику властей семь лет назад, выиграли в Европейском суде по правам челове-

ка иски против России, подтвердив свой профессионализм.

В первом случае курский журналист Виктор Чемодуров, ссылаясь на результаты проверки Контрольно-ревизионного управления Минфина РФ, обвинил губернатора области Александра Руцкого в попустительстве при хищении из регионального бюджета 1 млн долларов.

В публикации «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как «испарился» из областного бюджета ещё один миллион долларов» журналист также назвал главу области «ненормальным».

Губернатор подал иск против журналиста в районный суд, и тот обязал Чемодурова выплатить Руцкому тысячу рублей в качестве возмещения морального ущерба. Редакцию газеты «Курский вестник», на страницах которой была опубликована статья, оштрафовали на 3 тыс. рублей.

Аналогичный иск против пензенского журналиста Александра Кислова и председателя местного независимого профсоюза «Возрождение» Виктора Дюлдина выиграл губернатор Пензенской области Василий Бочаров после того, как в «Новой биржевой газете» появилось открытое письмо Президенту Владимиру Путину с критикой губернатора.

Оба журналиста обратились в Страсбургский суд по правам человека, который нашел в действиях региональных властей нарушения статьи 10 Европейской конвенции по правам человека, которая гарантирует право на свободу мнений.

«Суд ещё раз напоминает, что пределы дозволенной критики в отношении чиновников гораздо шире, чем в отношении частных лиц. В демократической системе действия чиновников должны быть предметом пристального внимания не только законодательной и судебной власти, но также и прессы, и общественности», – сказано в решении Страсбургского суда.

Пензенские заявители Дюлдин и

Кислов просили компенсировать им моральный вред в размере 17 тыс. евро, но Европейский суд постановил выплатить им по тысяче евро каждому и ещё 5 евро, потраченные на переписку со Страсбургом. Курский журналист просил компенсировать ему столько, сколько он в своё время заплатил губернатору Руцкому. Суд согласился, округлив сумму до 50 евро.

Однако главное в обоих случаях то, что международная судебная система встала на защиту российских журналистов, самого принципа свободы прессы.

Миссия журналистики – наступать на больные мозоли общества. А ещё вытряхивать народ из колеи их обычной жизни, не давать заснуть, показывая жизнь разной. Высказыва-

ние признанного мэтра работников печатных СМИ Андрея Васильева, которое приведено в начале данной статьи, чрезвычайно резкое и провокационное, наверняка, обидно для многих заслуженных ветеранов отечественной журналистики. Надеюсь, что те, кто именно так и считает, прочитав данный материал, не прибегнут к мерам государственного принуждения, а подумают о продолжении дискуссии по самым острым вопросам в рамках своего профессионального цеха. **Давайте считать доказанным, что всякое мнение профессионала имеет право на существование.** Тогда можно будет признать цели данного исследования достигнутыми, а условную линию горизонта пределов самовыражения в нашей стране реально прорисованной.